

но русскому чиновнику поднимать оружие на беззащитного». Тогда Изерский моментально навел револьвер на толпу пассажиров, где был я и начал кричать, ругаться и угрожать, что перестреляет всех. Станкевич же, вместо того, чтобы образумить своего помощника, сам подзадоривал его и кричал: «Стреляй их, мерзавцев». Пассажиры моментально оттеснили меня с освещенного

места на пароходе и сами расступились... острый момент прошел, помощник командира свел Изерского со сходней, и пьяная ватага... удалилась... Говорят, что такие инциденты не в диковинку на Амуре, что все это... безнаказанно сходит, что не так давно, и едва ли не те же буяны, устроили было форменное сражение с казенным пароходом» [6, ф. 575, оп. 6, д. 860, л. 116–118].

* В приводимых цитатах сохранены орфография и пунктуация авторов. (Ред.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX в.). М.; Тамбов, 2004.
2. Государственное архивное учреждение Тульской области «Государственный архив».
3. Государственный архив Курской области.
4. Государственный архив Орловской области.
5. Обзор Рязанской губернии за 1906 год. Рязань, 1907.
6. Российский государственный исторический архив.

REFERENCES

1. Bezgin V. B. Krest'janskaja povsednevnost' (traditsii kontsa XIX — nachala XX v.). M. — Tambov, 2004.
2. Gosudarstvennoe arhivnoe uchrezhdenie Tul'skoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv».
3. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti.
4. Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj oblasti.
5. Obzor Rjazanskoj gubernii za 1906 god. Rjazan', 1907.
6. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv.

И. Л. Кислицына

ПОЛЕМИКА «МЕЖДУ СТАРИЧКАМИ» И ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ АНАРХИЗМА М. А. БАКУНИНА

Автор представляет анализ полемики между двумя теоретиками русского народничества — А. И. Герценом и М. А. Бакуниным с целью определения соотношения анархизма Бакунина и общественно-политических взглядов Герцена второй половины 1860-х годов, установления содержания и теоретического значения бакунизма и его места в истории русской и мировой общественной мысли.

Ключевые слова: теория революционного анархизма М. А. Бакунина, общественно-политические взгляды А. И. Герцена, социалистическая идеология, демократия, история русской и мировой общественной мысли.

I. L. Kislitsyna

The polemic “between the little old men” and the problem of content of M. A. Bakunin anarchism

The polemic between two theorists of the Russian narodnic movement A. I. Herzen and M. A. Bakunin is analysed in the article with the purpose of detecting the correlation Bakunin anarchism with Herzen social-political views of the second half of 1860-es and ascertainment the content and the theoretic importance of Bakunin ideology and its place in history of the Russian and the world public thought.

Keywords: Bakunin theory of revolutionary anarchism, Herzen social-political views, socialist ideology, democracy, history of the Russian and the world public thought.

Растущий общественный и научный интерес к анархизму обусловлен представленной в его теории альтернативой общественного развития. Альтернатива анархизма противопоставит и системе государственного социализма, «демонтированной» в 1990-е годы, в основании которой была политическая диктатура, и «буржуазному миру», принципы которого — безграничное потребление и представительная демократия — вызывают все больший скептицизм в отношении их исторической перспективы. Процесс трансформации этого мира в XX — начале XXI в. в направлении решения социальной проблемы, «социальной демократии», «социальности», в которой теоретики анархизма М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин видели суть эволюции демократии [9, с. 26], доказывает жизнеспособность «анархистской альтернативы».

Проблема содержания и сущности анархизма М. А. Бакунина и соотношения его теории с другими социалистическими учениями постоянно вызывала самые разные толкования. Анализ происходившей во второй половине 1860-х — на рубеже 1860–1870-х гг. полемики между А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и М. А. Бакуниным, тремя выдающимися русскими мыслителями-современниками, целью жизни которых был поиск истины, способствует решению этой проблемы.

Полемика «между старичками»* была предметом рассмотрения советской исто-

риографии, противопоставлявшей Герцена и Бакунина как идеологов разных политических направлений: революционно-демократического и более низкого, отсталого в теоретическом отношении по сравнению с ним, — анархического [14, с. 23]. В последний период, начавшийся в 1990-е гг., традиция этого противопоставления сохранилась, с тем отличием, что Герцен относится в настоящее время к «такому направлению освободительного движения, как народнический либерализм» [13, с. 18], в противоположность революционному идеологу и практику — Бакунину [10, с. 9, 26]. Полемика между ними не подвергается специальному анализу. Соответственно исследование ее остановилось на уровне 1960-х годов.

Целью статьи является установление на основе анализа полемики, происходившей между Герценом, Огаревым и Бакуниным во второй половине 1860-х гг., соотношения сложившегося бакунизма и общественно-политических взглядов Герцена того времени и определение содержания и значения теории революционного анархизма Бакунина и ее места в истории русской и мировой общественной мысли. Задачи работы включают: выяснение понимания Герценом и Бакуниным *общего* в их мировоззрении, сравнение их позиций по данному вопросу и определение степени объективности этого понимания; анализ представлений Герцена и Бакунина о характере, степени *расхожде-*

ний в их взглядах и установление смысла и значения этих расхождений. Формат статьи не позволяет рассмотреть позицию Огарева в этом споре, которая, условно говоря, была «промежуточной» между взглядами Герцена и Бакунина. Хронологические рамки работы ограничиваются периодом идейной полемики между Герценом и Бакуниным второй половины 1860-х — рубежа 1860–1870-х гг., совпадающим, по сути, с завершающим этапом формирования бакунизма.

А. И. Герцен в письмах «К старому товарищу», выразивших его позицию в идейном споре с Бакуниным, утверждает мысль о принципиальном единстве их воззрений при различии понимания задач настоящего периода и практических средств, методов борьбы: «Нас занимает один и тот же вопрос. Впрочем, один серьезный вопрос и существует на историческом череду. ... Конечное разрешение у нас одно. Дело между нами вовсе не в разных началах и теориях, а в разных методах и практиках, в оценке сил, средств, времени, в оценке исторического материала» [7, кн. 2, с. 575].

Позиция Бакунина по вопросу общего и различного в их взглядах совпадает с этим представлением. В статье «Памяти Герцена», написанной сразу после получения им печального известия и опубликованной в парижской демократической газете «La Marseillaise» 6 февраля 1870 г., до прочтения им писем «К старому товарищу» [7, кн. 2, с. 855] Бакунин заявляет, что все расхождения между ним и Герценом «...никогда не касались цели. Когда речь шла о цели, мы всегда были согласны» [17, с. 527–528].

Справедливость этого общего для Герцена и Бакунина положения о принципиальном единстве их взглядов соответствует действительности.

Основой мировоззрения Герцена была мысль о личности — «единственной монаде» (основе) общества, об уважении человеческого достоинства как главном, высшем принципе. Поиск условий реализации этого принципа в жизни людей привел его к ате-

изму, к социализму, к пониманию действительной демократии как самоуправления народа (общества) и соответственно к отрицанию всех исторических и существующих государств — Государства, стоящего над народом (обществом). «...Я служил одной и той же идее, имел одно и то же знамя: война против всякой установленной власти, против всех видов рабства во имя безусловной независимости личности» [6, с. 492], — говорилось в письме Герцена к Дж. Мадзини. «...Свободный человек ... зависит только от своих убеждений и больше ни от чего...» [6, с. 118], — утверждает он в одной из главных для понимания смысла его мировоззрения работ — «С того берега».

Основой общественно-политического идеала Бакунина, как и Герцена, был главный, или «высший», системообразующий социальный принцип — уважение человеческого достоинства.

«Уважение человеческой личности есть высший закон человечества...» [2, II, с. 195], — утверждал создатель идеологии революционного анархизма. Вся система взглядов Бакунина, его анархическая теория представляла собой *развитие* этой идеи, разработку условий ее воплощения в реальной жизни людей, в устройстве общества. В работе, представляющей собой всестороннее теоретическое изложение анархизма Бакунина — «Федерализм, социализм и анти-теологизм» (1867), он прямо сформулировал суть своей методологии — основополагающий *принцип* и *путь* (способ) создания учения: «Вся человеческая нравственность — ...мы постараемся доказать *абсолютную истину этого принципа, развитие, объяснение и самое широкое применение которого* (курсив мой. — И. К.) составляет главную цель этого сочинения, — всякая коллективная и индивидуальная мораль покоится главным образом на *уважении к человеку* (курсив Бакунина. — И. К.). Что подразумевается под *уважением к человеку*? — Признание человечности, человеческого права и чело-

веческого достоинства в каждом человеке...» [5, с. 108].

Идеал общественного устройства в системе взглядов Герцена и Бакунина исходил из цели «осуществленной полностью в каждом и во всех человечности» [2, II, с. 152]. Этим идеалом была абсолютная свобода личности и полное самоуправление народа (общества), правовое и фактическое равенство людей, основанное на коллективном владении землей и средствами производства работников, при отрицании всех исторических и существующих государств, принципа Государства как управления народом «сверху», сущность которого состоит в господстве и угнетении.

«Эксплуатация и Управление — два неотделимых друг от друга выражения того, что называется политикой, причем первая дает способы управлять и образует необходимую основу, равно как и цель всякого управления, которое, в свою очередь, гарантирует и легализирует возможность эксплуатировать. С начала истории они составляют, собственно говоря, реальную жизнь государств: теократических, монархических, аристократических и даже демократических» [2, II, с. 294], — утверждал Бакунин в работе «Кнута-германская империя и социальная революция» (1871). «Государство, церковь, войско отрицаются точно так же логически, как метафизика, богословие и пр.» [7, II, с. 577], — говорилось в первом из писем «К старому товарищу». Понимание сущности стоящего над народом государства как системы господства и эксплуатации и отрицание этого Государства — отдельной от народа власти во всех его формах — было общим в мировоззрении Герцена и Бакунина. Поэтому Бакунин, подводя итоги жизни своих друзей и своей собственной, со всем основанием подтверждает мысль Герцена о принципиальном единстве их взглядов: «Герцен, Огарев и я, мы всегда имели только одну цель — уничтожение лжи, небесной и земной, уничтожение всякой власти, божественной и человеческой, раз-

ложение церкви, доктринерской школы, патриархального, юридического и политического права в государстве, уничтожение государств и — на их развалинах — окончательное торжество человечества, вследствие всеобщего образования, труда и свободы каждого в экономическом и общественном равенстве» [14, с. 528]. «Серьезный антагонизм» между ним и Герценом Бакунин, как и его оппонент, относит к области практической борьбы — «довольно важным вопросам революционной практики» [14, с. 527].

Сущность мировоззрения Герцена и Бакунина заключалась в соединении (единстве) демократии, понимаемой как свобода личности и общества — народное самоуправление, и социализма — «экономического и социального равенства классов и личностей» [11, с. 329]. В идее единства свободы и равенства, индивидуальной и коллективной свободы, основывавшейся на представлении о социальной природе и сущности человека как существа общественного, заключался их общий идеал действительной демократии (или анархии). Подчеркивая единство в своем учении свободы и равенства людей, основанного на принципе общего владения собственностью на средства производства, Бакунин определяет свое учение как анархизм-коллективизм. В действительном освобождении народа, понимаемом как демократический (анархический) социализм, заключался общий для них, «единственный *серьезный вопрос*», существующий «на историческом череду», по выражению Герцена.

Помимо единой методологической основы — разработки идеала путем всестороннего, полного развития принципа уважения человеческого достоинства, следствием которого было представление о единстве свободы и нравственности, индивидуальной и коллективной свободы, экономического и политического освобождения народа, общим в мировоззрении Герцена и Бакунина была идея права народа на восстание, нравственности революции. Истоком этого представ-

ления, основанного на идее естественного, неотъемлемого права человека на достойную жизнь и соответственно естественного, неотъемлемого права борьбы за условия достойной человека жизни (в бакунизме это право является также и нравственной обязанностью, долгом каждого человека, сознающего свое человеческое достоинство), была идеология Великой Французской революции.

В системе взглядов Бакунина, как и Герцена, мысль о нравственности народного революционного взрыва была логическим следствием идеи закономерности революции.

«Революции не импровизируются произвольно ни личностями, ни даже могущественными ассоциациями, — писал Бакунин в статье «Политика Интернационала» (1869). — Независимо от чьей бы то ни было воли, от какого бы то ни было заговора, они всегда производятся силою вещей. Их можно предвидеть, предчувствовать их приближение, но никогда нельзя ускорить их взрыв» [11, с. 65]. Бакунин подчеркивает «нравственное значение революции», так как «ближайшей причиной ее всегда бывает внезапное пробуждение чувства справедливости, присущего человеческой природе» [11, с. 224].

Герцен обосновывает мысль о нравственности революции в своей важнейшей работе рассматриваемого периода — «Prolegomena», написанной в 1867 г. и опубликованной в первом номере (в январе 1868 г.) в качестве программной статьи его последнего совместного с Огаревым издания — французского «Колокола». Эту статью можно считать программной для всего последнего периода жизни Герцена и частью «теоретического разбора» между ним, Бакуниным и Огаревым.

«И когда же революция была безнравственной? революция всегда сурова, блестяща по обязанности, чиста по необходимости; она всегда — самопожертвование, ибо она всегда — опасность, гибель лично-

стей во имя всеобщего, — говорилось в работе. — Разве были безнравственны первые христиане? Или гугеноты, или пуритане, или якобинцы? ...Что же касается религии, то революция в ней не нуждается, она сама — религия» [7, I, с. 60]. В письме к сыну А. А. Герцену от 21 мая 1869 г. он говорит о приближающемся времени революционных преобразований: «Когда я вглядываюсь в силу социального движения, в глубь его и в его страстность, — я вижу ясно, что настоящая борьба мира доходов и мира труда не за горами — даже в Англии» [7, кн. II, с. 851].

Единство теоретических основ мировоззрения Герцена и Бакунина приводит к выводу о принадлежности их, в широком смысле, к одному направлению в развитии русской и мировой общественной мысли — к демократическому социализму**, о том, что Бакунин совершенно справедливо определяет Герцена «великим социалистическим мыслителем», равно как и Герцен верно видит смысл деятельности Бакунина в «демосоции» [8, II, с. 487] — борьбе за общественное устройство, основанное на единстве свободы (действительной демократии) и социализма.

Критика Герцена взглядов Бакунина во многом была вызвана недостаточно полным представлением о них. Так, к Герцену восходят ставшие традиционными обвинения идеолога революционного анархизма в недооценке теории в преобразовании общества и в том, что он якобы считал осуществление идеала анархии (абсолютной свободы) немедленным, когда народ еще не освободился от оков «старого мира» изнутри, в своем сознании. В опровержение данных обвинений Бакунин, напротив, подчеркивал роль теории в общественных преобразованиях. «...В политике не может быть честной и полезной практической деятельности без ясно определенных теории и цели, — писал он, например, в работе «Федерализм, социализм и антитеологизм». — В противном случае, как мы ни воодушев-

лены самыми широкими свободными чувствами, мы можем прийти к практике, совершенно противоположной этим чувствам» [2, III, с. 122]. Утверждавшаяся в бакунизме идея о неисчерпаемости, безграничности, бесконечности процесса познания, основанная на диалектическом представлении о бесконечности мира, совершенно необоснованно принималась за «агностицизм», так же как и его соответствующее истине понимание проблемы соотношения науки и жизни: мысль о главенстве жизни над наукой, о том, что жизнь — первична, а наука — вторична по отношению к жизни, что наука — это часть жизни, а не сама жизнь и что она эволюционирует вместе с жизнью. Бакунин утверждал совершенно правильное представление о сущности науки как установлении законов объективного мира и роли науки как «главного орудия человеческого освобождения» [3, с. 281]. Он не принижал науку (научное познание), а отрицал привилегированное положение людей науки в обществе, их *управление народом* (обществом) «сверху», право «научной абстракции» в лице ученых навязывать народу, как ему жить, систему общественных отношений. Ученые, как и все другие люди, в концепции Бакунина, должны *участвовать* в управлении — быть частью самоуправления народа (общества), ведя пропаганду своих знаний, достижений, мнений, идей. Поэтому в вопросе о науке, ее сущности и роли в развитии общества, о соотношении науки теоретической и прикладной Герцен полемизирует не со взглядами Бакунина, а со своими представлениями о них. Это относится и к предположению Герцена, что в программе Бакунина речь идет о том, «чтоб родители не знали детей» [7, II, с. 852]. В то время как в ней утверждалось право детей не принадлежать никому — «ни родителям, ни обществу (курсив Бакунина. — И. К.)» [3, с. 277–278], т. е. что ни родители, ни общество не могут распоряжаться детьми по произволу, и о гарантированном обществом праве детей на

«приблизительно равные» средства содержания, воспитания, обучения — развития личности и возможности последующего применения своих способностей и сил.

Неверным было также представление Герцена о том, что Бакунин считал, что осуществление идеала анархии может произойти немедленно. В действительности в работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» он утверждал противоположную мысль: «Полное осуществление этой задачи (достижения идеала свободы, равенства, справедливости. — И. К.) будет, конечно, делом столетий. Но история ее выдвинула, и отныне мы не можем оставить ее без внимания, не обрекая себя на полное бессилие» [5, с. 40], — заключает он. В осуществлении идеала свободы Бакунин видел «конечную цель» истории, что исключает представление о немедленном достижении идеала анархии в результате революции в системе его взглядов. Именно это ошибочное толкование бакунизма привело Герцена к неправильному выводу о казенно-бюрократическом характере этого учения, о насилии по отношению к народу, к традиционным основам общественной жизни, которое оно несет в себе.

«Не начать ли новую жизнь с сохранения социального корпуса жандармов? — говорилось во втором письме «К старому товарищу», обращенном к Бакунину. — Неужели цивилизации кнутом, освобождение гильотиной составляют вечную необходимость всякого шага вперед?..» [7, II, с. 585].

В письме к Огареву от 2 июля 1869 г. Герцен продолжает эту мысль: «Мне, наконец, и эта государственная деятельность на уничтожение государства и это казенно-бюрократическое устройство уничтожения вещей сдается каким-то *delirium tremens* (белой горячкой, прим. ред. — И. К.)» [7, II, с. 852].

Недостаточное знакомство Герцена с теорией сложившегося бакунизма подтверждает положение, содержащееся в письмах «К старому товарищу», о преобладании в

ней отрицания, разрушения и ссылка в связи с этим на раннее произведение Бакунина — «Реакция в Германии» (1842), после написания которого бакунизм прошел значительный путь эволюции, а также прямое свидетельство Герцена. В марте 1869 г., после завершения статьи «Между старичками», он сообщает Огареву о том, что у него (Герцена. — *И. К.*) отсутствуют тексты речей Бакунина «или другое (другие его работы. — *И. К.*)» [7, II, с. 849], что доказывает недостаток источников, которыми Герцен пользовался при ведении полемики. Можно отметить, что Бакунин имел несравненно более объективное представление о содержании взглядов своих оппонентов — Герцена, Маркса и др., чем они о его теории. По обстоятельности изучения и пониманию положительного и внутренних противоречий общественно-политических и философских систем Бакунин, возможно, был лучшим критиком своего времени.

Пolemика между Бакуниным и Герценом, теория которого была наиболее близка бакунинской, позволяет выявить своеобразие, особое место бакунизма, русского классического анархизма, в истории русской и мировой общественной мысли.

Герцен подчеркивал, что между ним и Бакуниным различие состоит в оценке текущего момента и соответственно практических средств этого времени. Он доказывал, что деятельность в данный период должна состоять в изучении, в выработке представления о «новой организации» общества, в развитии сознания и в самой широкой пропаганде «не только своим, но и противникам» [7, II, с. 593]. Народ в концепции Герцена второй половины 1860-х гг. — «консерватор по инстинкту» в силу своего положения, отсутствия у него условий развития, и старый порядок держится, по преимуществу, на консерватизме народа [7, II, с. 589].

Из представления о консерватизме народного сознания следовал вывод Герцена, что представление о «новой организации»

общества должно выработать передовое меньшинство. «...Меньшинство, идущее вперед, не доработалось до ясных истин, до практических путей, до полных формул будущего экономического быта» [7, II, с. 575–576], — обосновывал он особенность настоящего периода как времени «окончательного изучения».

В письмах к Огареву от 11 декабря 1869 г. и от 24 марта 1869 г. Герцен возвращается к критике Бакунина. «...Я с иронией смотрю на ложь его речей и vague (расплывчатость — фр., прим. ред. — *И. К.*) его программы» ([8, II, с. 511], — говорилось в первом из них. «Мне хотелось бы, чтобы ты или я написали ему другое, т. е. *допрос* (курсив здесь и далее — Герцена. — *И. К.*) (не личный, а общий), для того, чтоб вытянуть из него определение, в чем его идеал?» — продолжает он во втором письме. (т. 20, кн. 2, с. 852.). В критике «vague» программы Бакунина и в требовании от него ясного, выработанного полностью, законченного представления об идеале означало различие подходов, методов политического мышления Герцена и Огарева.

Теоретическое своеобразие анархизма Бакунина, его особое место в развитии демократического, социалистического направления определялось соединением (единством) в его теории системы (идеала) и метода демократии. Подобно гегелевскому учению, коренным противоречием которого было противоречие между методом и системой, демократическая, социалистическая идеология развивалась в рамках этого теоретического противоречия. Общественные системы (учения о системах) разрабатывались теоретиками, идеологами и этот путь — разработки систем отдельными людьми, «передовым классом», «передовым меньшинством» и т. д. закреплялся в теориях, не выходящих за границы этого метода. «Готовыми системами» были буржуазно-либеральные и буржуазно-демократические теории, учения «домарксового» западноевропейского социализма и марксизм с его

идеей диктатуры пролетариата — «передовых рабочих», носителей передового учения, и общественно-политический идеал О. Конта (общество, руководимое наукой в лице ученых) и т. д. Мировоззрение Герцена также оставалось в рамках этого метода, несмотря на то, что в его теории была тенденция выхода из них. Данный метод состоял в разработке идеала, представления о новой организации общества *меньшинством* и последующем восприятии этого идеала, добровольном или принудительном — в разных учениях, народом, в «распространении» на народ (общество) выработанной меньшинством системы. Анархизм Прудона, в основе которого была «абстрактная идея права» и метафизический разрыв между экономикой и политикой, также представлял собой «готовую систему». Бакунизм, утверждавший идею создания идеала самим народом, а не отдельными людьми или отдельным слоем общества, совершил теоретический прорыв, соединив *метод и систему* (представление об идеале) демократии.

«Наука, самая рациональная и глубокая, не может угадать формы будущей общественной жизни. Она может определить только отрицательные условия, логически вытекающие из строгой критики существующего общества, — говорилось в «Прибавлении А» к работе «Государственность и анархия» (1873), ...поэтому никакой ученый не в состоянии определить даже для себя, как народ будет и должен жить на другой день социальной революции. Это определится, во-первых, положением каждого народа и, во-вторых, теми стремлениями, которые в них (народах — *И. К.*) проявятся и будут сильнее действовать, отнюдь же не руководствами и уяснениями сверху и вообще никакими теориями, выдуманными накануне революции» [15, с. 39]. Главным в политической теории Бакунина было представление о методе демократии — самоуправлении народа, общества. «Народная жизнь, народное развитие, народный про-

гресс принадлежат исключительно самому народу» [15, с. 45], — утверждал он. «Идеал социальной организации» в его теории «вырабатывается» самим народом. Идея «*безусловной необходимости разрушения государств*» (курсив Бакунина — *И. К.*)» [5, с. 96–97], о том, что народ в Социальной революции должен «немедленно разрушить» государство «как вечную тюрьму народных масс» [5, с. 485], означала, что первая важнейшая задача освобождения народа состоит в коренном изменении системы управления: в уничтожении принципа управления народом «сверху» и в установлении народного самоуправления. В результате этого «коренного переустройства» народ сам создаст общественную систему на основе народных требований и стремлений, «вследствие совсем естественного развития всякого рода потребностей, проявляемых самою жизнью» [15, с. 39].

Бакунин доказывал, что «всякий народ, взятый в своей совокупности, и всякий чернорабочий человек из народа — социалист по своему положению», «социалист по инстинкту»: «Вечно нищий, обиженный и забитый, он по инстинкту, на факте естественный представитель всех нищих, обиженных и забитых — а что такое социальный вопрос, если не вопрос об окончательном и всецелом освобождении всех нищих, обиженных и забитых...» [5, с. 160], — говорилось в работе «Наука и насущное революционное дело» (1869). При этом представление Бакунина о народе раскрывало противоречия народного сознания, обусловленные жизнью народа и закономерным консерватизмом общественного сознания в целом, в основе которого была инерция системы — присущее любой системе стремление к самосохранению. Этот консерватизм Бакунин считал естественным, защищающим общество от самоуничтожения.

Объективность представления Бакунина о народном сознании доказывают его концепция «русского народного идеала», многочисленные рассуждения о консерватизме

французского крестьянства и т. д. Принципиально важным для понимания сущности взглядов Бакунина было то, что он отстаивал право народа самому создавать свою жизнь, необходимость самоуправления народа (общества), независимо от того, насколько в данный период революционно или консервативно народное сознание. Принцип движения от реальной жизни народа — создание системы, исходя из условий народной жизни, ее стремлений и потребностей, выраженных самим народом, способ организации общества посредством народного самоуправления, растворения власти в обществе, был *абсолютным* требованием его политической теории.

Представление о *методе* действительной демократии в сложившемся бакунизме отражают все работы Бакунина середины 1860-х — первой половины 1870-х гг. Целостное теоретическое изложение его дается в работе «Государственность и анархия»:

«Живой, конкретно-разумный ход — это в науке ход от факта действительного к мысли...; а в мире практическом — движение от жизни общественной к возможно разумной организации ее, сообразно указаниям, условиям, запросам и более или менее страстным требованиям этой самой жизни.

Таков широкий народный путь, путь действительного и полнейшего освобождения, ... действительно народный, путь *анархической* социальной революции, возникающей самостоятельно в народной среде, разрушающей все, что противно широкому разливу народной жизни, для того чтобы потом из самой глубины народного существа создать новые формы своей общественности» [5, с. 434]. Поэтому революционеры-анархисты не навязывают народу «какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного» ими, а, напротив, убеждены, что народ носит «в своих инстинктах, в своих насущных потребностях и в своих стремлениях, созна-

тельных и бессознательных, все элементы своей будущей нормальной организации, *мы ищем этого идеала в самом народе; ... он сам создаст свою жизнь* (Курсив здесь и далее мой. — И. К.)» [5, с. 437], — говорится в работе. Для того, чтобы народ мог сам создать свою жизнь, необходимо уничтожить управление народом «сверху» — «управление меньшинства большинством», «так как всякая государственная власть, всякое правительство, по существу своему и по своему положению *поставленное вне народа, над ним*, должно стремиться к подчинению его порядкам и целям, ему чуждым», представляет собой систему господства, угнетения и эксплуатации народа. Социальный опыт, борьба народа, по мысли Бакунина, служит развитию народа, особенно в условиях отсутствия у него возможности получения научного образования. Формулирование Герценом задачи современного ему периода, считавшееся безусловной истиной, как времени «окончательного изучения» [7, II с. 576–577] разделяет социальную теорию и практику, единые в бакунизме.

Различия между взглядами Герцена и Бакунина были и в понимании сущности государства и его места в системе общественных отношений. Если одним из важнейших положений революционного анархизма была идея о принципиальном единстве государства и господствующего сословия (класса, слоя общества), то для мировоззрения Герцена характерен отрыв государства от его социальной основы. Бакунизм также объективно отразил особенность развития России — определяющую роль государственной власти в формировании и эволюции системы общественных отношений, сословного строя. Расхождения в программах Герцена и Бакунина данного периода были связаны с различием понимания ими результатов осуществленных самодержавием реформ 1860-х и условий пореформенного развития России. Бакунин был убежден, что эти условия, неразрешимые внутренние противоре-

чия развития страны после отмены крепостного права ведут к революции. Герцен, напротив, полагал, что правительственные реформы явились началом освобождения народа, создали возможность постепенного развития в направлении признания права народа на землю и общественного самоуправления. Он считал, что естественный ход вещей, закономерности эволюции общества и развитие общественного сознания постепенно приведут к полному освобождению общества: «Формы, сдерживающие людей в полунасильственных и в полудобровольных ковах, а la longue (в конце концов. Прим. ред. — И. К.) не вынесут напора логики и развития общественного понимания» [7, II, с. 584], — говорилось в письмах «К старому товарищу». — ... В сущности, все формы исторические — *volens-nolens* — ведут от одного освобождения к другому. Гегель в самом рабстве находит (и очень верно) шаг к свободе. То же — явным образом — должно сказать о государстве: и оно, как рабство, идет к самоуничтожению...» [7, II, с. 590]. При этом Герцен подчеркивал, что не отрицает революционный путь. С целью точного формулирования своей позиции он пишет в замечаниях на рукопись Огарева «Ответы старому другу: «Я не говорил о непрерывности, а говорю о теперешней минуте» [7, II, с. 622], т. е. о задачах настоящего времени, а не о процессе общественного развития в целом.

Признавая закономерность революций, Герцен в середине — второй половине 1860-х гг. преувеличивал возможности мирного пути коренных общественных преобразований, особенно в развитии России того времени. Бакунинская критика *объективизма* — восприятия значительной частью русской интеллигенции учения Гегеля как всеобщей деятельности Абсолюта и позитивизма Конта как действия объективных закономерностей истории, при котором нет места активности личности, — распространялась и на взгляды Герцена этого периода. Влияние «объективизма» («струнку позити-

визма») в письмах «К старому товарищу» признавал и Огарев [7, II, с. 855].

Теоретической заслугой Герцена было то, что им была поставлена проблема последствий революционного насилия, которая недооценивалась в бакунизме. Герцен также справедливо критикует Бакунина за пользование опасной риторикой, за привычку «употреблять дерзкие и вредные фразы». Речь шла о выражениях, давших повод к пониманию бакунизма как «апологии разбоя», таких, как, например, «разнуздание» в революции «дурных страстей» и т. д. «Мы понимаем революцию в смысле разнуздания того, что теперь называют дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется общественным порядком», — говорилось в бакунинской программе Интернационала [7, II, с. 861]. Представление Герцена о политической борьбе, которую необходимо вести в настоящий (современный ему) период, как повсеместной борьбе мнений, воззрений, идей, включая «проповедь к врагу» [7, II, с. 593], имело большую историческую перспективу, однако оно не отражало реальные условия, расстановку политических, социальных сил в России того времени.

Анализ полемики между Герценом и Бакуниным приводит к следующим выводам.

Он доказывает принципиальное единство теоретической основы мировоззрения Герцена и Бакунина, которая заключалась в признании человеческого достоинства, в уважении человека как высшего принципа и в представлении о социальной сущности человека, единстве, взаимосвязи всех людей, живущих в обществе. Вывод В. М. Артемова о том, что анархизм Бакунина представлял собой теоретический синтез «двух основных линий в философии XIX в. — линии антропологической и линии социальной, или социоцентрической» [1, с. 182] — следует также со всем основанием отнести и к мировоззрению Герцена и Огарева, к теории «русского социализма» в целом. Общая теоретическая основа взглядов Герцена

и Бакунина заключалась в единстве главных принципов их идеала — свободы личности и общества, народного самоуправления, на основе коллективного владения землей и другими основными средствами производства, в единстве свободы и равенства людей, свободы и социализма. Кроме общих принципов идеала действительной демократии, соединяющей социализм и свободу человека и общества, единая основа их мировоззрения включала идею закономерности, нравственности революции, права народа на восстание, необходимости борьбы за идеал, самопожертвования во имя идеала. Все это доказывает принадлежность взглядов Герцена и Бакунина к одному, революционно-демократическому, направлению.

Однако было бы неверным утверждать, что расхождения в воззрениях двух русских мыслителей затрагивали только понимание задач времени («теперечной минуты»). Они относились и к области теории. Бакунизм, утверждавший идею, что общественный идеал вырабатывается самим народом, что народ сам создает свою жизнь, устройство общества, организацию общественной жизни, преодолел существовавший в демократической, социалистической теории разрыв между методом и системой. Бакунин раскрыл сущность поставленной над народом, вне народа власти как системы господства и эксплуатации народа и впервые в истории русской и мировой общественной мысли создал последовательную теорию демократии. Единство в его учении метода и системы, определение сущности стоящей над на-

родом, вне народа власти как системы господства и эксплуатации, утверждение и обоснование единства политического и экономического освобождения народа определяют теоретическую новизну, оригинальность, самостоятельность и своеобразие анархизма Бакунина, его место в истории русской и мировой общественной мысли. Установление значения бакунизма исключает трактовку его идеологии как отсталой по сравнению с другими общественно-политическими учениями и указывает на новый уровень разработки в ней теории демократии.

Помимо решения теоретических проблем демократии, социализма, идеология революционного анархизма Бакунина объективно отразила направление общественного развития России после отмены крепостного права к революции и противоречия народного сознания того времени. Бакунизм выразил стремление значительной части демократической интеллигенции в России после отмены крепостного права перейти от теории к практике революционной борьбы и явился основой целого этапа, направления в развитии освободительного движения в России. Это движение, возникновение и последующая эволюция которого происходили под определяющим влиянием бакунизма, зародилось как «массовое» явление, оказывающее существенное воздействие на общественное развитие страны в начале 1870-х (на рубеже 1860–1870-х) гг. и развивалось до уничтожения многопартийности в СССР (к середине 1920-х гг.) и полной его ликвидации в середине 1930-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

* «Между старичками» — название работы Герцена, ставшей основой двух первых писем «К старому товарищу», положивших начало его открытой полемике с Бакуниным; третье и четвертое письма этого цикла обращены и к Бакунину, и к Огареву.

** Определение русского народничества как демократического социализма дано в обобщающем исследовании Е. В. Поликарповой (*Поликарпова Е. В. Идеология народничества в России. М.: Профобразование, 2001. С. 31*), анархизм Бакунина в данной работе не рассматривается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемов В. М.* Поиски путей к свободе и образованию (опыт осмысления практически-нравственной ориентации русской философии: М. А. Бакунина) / Памяти М. А. Бакунина: Сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН, 2000. 225 с.
2. *Бакунин М. А.* Избранные сочинения. Пб.: Голос труда, 1919–1921. Т. I–V.
3. *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. 573 с.
4. *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем. 1828–1876. М.; Л.: Всесоюзн. об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934–1935. Т. I–IV.
5. *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика: Сб. М.: Правда, 1989. 621 с.
6. *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 551 с.
7. *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 6. Т. 20. Кн. 1–2. 994 с.
8. *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Наука, 1964. Т. 29. Кн. 2. С. 392–885.
9. *Джангирян В. Г.* Соотношение демократии и анархии в концепциях М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина / Системный компаративный анализ: Материалы Третьей международной конференции. М.: РУДН, 1998. С. 22–26.
10. *Должиков В. А.* М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1860–1860-х гг.). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2000. 329 с.
11. Историческое развитие Интернационала в его прессе, конгрессах, отчетах и проч. Цюрих: Изд-во Общины русских революционеров-анархистов, 1873. 375 с.
12. Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Женева, 1868–1869: Kolokol (La Cloche), 1868; Supplement du Kolokol, 1869; Колокол (Русское прибавление), 1868. Женева: Вольная рус. тип., 1868–1869. М.: Наука, 1978. 192 с.
13. *Колокольцев М. Г.* Раннее народничество в России (1860-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. 24 с.
14. Отклики на смерть Герцена по материалам иностранной печати и «Пражской коллекции». (Публикация Л. Р. Ланского) // Литературное наследство: Герцен и Огарев. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. III. С. 523–540.
15. *Поликарпова Е. В.* Идеология народничества в России. М.: Профобразование, 2001. 366 с.
16. Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1964. 530 с.

REFERENCES

1. *Artemov V. M.* Poiski putej k svobode i obrazovanie (opyt osmyslenija prakticheski-nravstvennoj orientatsii russkoj filosofii: M. A. Bakunina) / Pamjati M. A. Bakunina: Sb. st. M.: In-t ekonomiki RAN, 2000. 225 s.
2. *Bakunin M. A.* Izbrannye sochinenija. Pb.: Golos truda, 1919–1921. T. I–V.
3. *Bakunin M. A.* Izbrannye filosofskie sochinenija i pis'ma. M.: Mysl', 1987. 573 s.
4. *Bakunin M. A.* Sobranie sochinenij i pisem. 18280–1876. M.; L.: Vses. ob-vo politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, 1934–1935. T. I–IV.
5. *Bakunin M. A.* Filosofija. Sotsiologija. Politika: Sb. M.: Pravda, 1989. 621 s.
6. *Gertsen A. I.* Sobranie sochinenij: V 30 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 6. 551 s.
7. *Gertsen A. I.* Sobranie sochinenij: V 30 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. T. 20. Kn. 1–2. 994 s.
8. *Gertsen A. I.* Sobranie sochinenij: V 30 t. M.: Nauka, 1964. T. 29. Kn. 2. S. 392–885.
9. *Dzhangirjan V. G.* Sootnoshenie demokratii i anarhii v kontseptsijah M. A. Bakunina i P. A. Kropotkina / Sistemnyj komparativnyj analiz: Materialy Tre'tej mezhdunarodnoj konferentsii. M.: RUDN, 1998. S. 22–26.

10. Dolzhikov V. A. M. A. Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom processe epohi "ottepeli" (rubezh 1860–1860-h gg.). Barnaul: Alt. gos. un-t, 2000. 329 s.
11. Istoricheskoe razvitie Internatsionala v ego presse, kongressah, otchetah i proch. Cjurih: Izd-vo Obshchiny russkikh revoljutsionerov-anarhistov, 1873. 375 s.
12. Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva. Zheneva, 1868 — 1869: Kolokol (La Cloche), 1868; Supplement du Kolokol, 1869; Kolokol (Russkoe pribavlenie), 1868. Zheneva: Vol'naja rus. tip., 1868–1869. M.: Nauka, 1978. 192 s.
13. Kolokol'tsev M. G. Rannee narodничество v Rossii (1860-e gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul: Alt. gos. un-t, 2004. 24 s.
14. Otkliki na smert' Gertsena po materialam inostrannoj pechati i "Prazhskoj kollekcii" (Publikatsija L. R. Lansкого) / Literaturnoe nasledstvo Gertsen i Ogarev. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. T. III. S. 523–540.
15. Polikarpova E. V. Ideologija narodничества v Rossii. M.: Profobrazovanie, 2001. 366 s.
16. Revoljucionnoe narodничество 70-h godov XIX veka: Sb. dokumentov i materialov. M.: Nauka, 1964. 530 s.

А. Ю. Давыдов

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ КООПЕРАТИВЫ В ГОДЫ НЭПА

Автор делает акцент на явлениях кооперативной самостоятельности в годы новой экономической политики. Огосударственная в период «военного коммунизма» кооперация довольно быстро восстановилась в связи с переходом к нэпу и со смягчением большевистской диктатуры. Возникли самостоятельные добровольные потребительские общества. Автор описывает неизвестную ранее структуру — экономически самостоятельное Бюро петроградских кооперативов, объединявшее до 260 тыс. пайщиков. Вместе с тем внимание уделено и жилищной кооперации, которая при нэпе получила наибольшее распространение в Ленинграде. Жильцы объединялись в коллективы в целях спасения своих многоквартирных домов, пострадавших в годы гражданской войны. Мы узнаем о противостоянии кооператоров и так называемых «злостников» (злостных неплательщиков), отказывавшихся участвовать в общем деле восстановления жилья. Кооперация объединяла людей энергичных и деятельных, но часто была площадкой их столкновения с маргиналами, иждивенцами.

Ключевые слова: нэп, добровольные потребительские общества, пайщики, правление кооператива, жилищно-арендные кооперативы, Жилищный союз.

A. Davydov

The amateur urban cooperatives during the NEP

The author focuses on the phenomena of cooperative initiative in the years of the New Economic Policy (NEP). Nationalized during the "war communism", cooperation recovered rather quickly because of the transition to the NEP and the easing of the Bolshevik dictatorship. Amateur voluntary cooperative societies were created. The article explains in detail the previously unknown structure — the economically independent Bureau of Petrograd cooperatives, which combined up to 260,000 shareholders. At the same time, the author pays attention to housing cooperatives that became most prevalent in Leningrad during the NEP. Residents united into collectives in order to save their apartment buildings damaged during the Civil War. We learn about the confrontation of cooperators and the so-called "zlostniks" (dodgers) who refused to